

Это обещание он точно запомнил.

Вскоре крики А Гуй постепенно стихли. Все слуги и служанки семьи Цинь, дрожа от страха и бледные как полотно, стояли во дворе, наблюдая, как А Гуй была забита до смерти на их глазах.

Цинь Юаньхуа сидел в комнате, его лицо было мрачным, а кулаки сжаты до белизны. Услышав, что снаружи наконец стало тихо, он слегка дрожащими пальцами потрогал свои седые усы, не решаясь выйти и отчитать Чу Юэси.

В этот момент Чу Юэси сам вышел наружу. Он равнодушно посмотрел на изувеченное тело А Гуй, её глаза были широко раскрыты, полные ненависти и негодования. Он фыркнул, окинул взглядом всех присутствующих и холодно произнёс:

— Я знаю, что слуги семьи Цинь всегда отличались отсутствием дисциплины, но это было раньше. Теперь, когда я вошёл в дом Цинь, внутренние дела будут управляться по моим правилам.

— Сегодня А Гуй наговорила лишнего и даже подняла руку на генерала Цинь. Я убил только её, и это ещё милость с моей стороны. Если впредь кто-то осмелится пренебрежительно относиться к молодому господину, я научу вас, что такое настоящая дисциплина, и не пожалеею никого!

Услышав это, слуги семьи Цинь задрожали как в лихорадке и тут же опустились на колени, не смея проявить ни малейшей дерзости.

Чу Юэси не стал больше тратить на них времени и, пройдя внутрь, предстал перед Цинь Юаньхуа.

— Надеюсь, предыдущие события не слишком потревожили старого генерала?

Цинь Юаньхуа улыбался легко и непринуждённо, хотя, даже вступив в брак, он по-прежнему обращался к Цинь Юаньхуа с прежним почтением.

Лицо Цинь Юаньхуа то краснело, то бледнело, и в конце концов он вздохнул:

— Даже если эта служанка была ужасна, зачем тебе было убивать её? Можно было просто выпороть и выгнать из дома.

Чу Юэси усмехнулся, бросив взгляд куда-то за спину Цинь Юаньхуа, его глаза были холодны как лёд:

— Жизнь этой рабыни ничего не стоит, убил её и убил. Старый генерал знает, что она сказала перед смертью?

Цинь Юаньхуа изменился в лице и тихо спросил:

— Что она сказала?

Чу Юэси усмехнулся:

— Эта рабыня оказалась дерзкой. Она сказала, что я женился на Цинь Чжане из страха перед императором, а император устроил этот брак, чтобы избавиться от меня как от угрозы. Как она осмелилась такое сказать? Если бы мой брат услышал это, как бы он отреагировал? Счел бы её наглость достойной смерти или решил бы, что в доме генерала кто-то осмеливается толковать волю императора?

Он пристально посмотрел на Цинь Юаньхуа, лицо которого стало смертельно бледным, и холодно усмехнулся:

— Старый генерал, нужны ли мне объяснять, какое наказание полагается за толкование воли императора? Убив только эту рабыню, разве я не проявил милосердия?

Цинь Юаньхуа выглядел ужасно, он с яростью ударил по столу:

— Эта рабыня действительно заслужила смерть! Да, ты поступил с ней слишком мягко! Как она могла произносить такие слова!

Чу Юэси снова бросил взгляд на занавеску в задней части комнаты и усмехнулся:

— Да, я тоже думаю, что такие слова не могли исходить от простой рабыни. Но раз уж её убили, то, если моё объяснение не устроит старого генерала, ты хочешь, чтобы я продолжил расследование?

Цинь Юаньхуа резко встал и глубоко поклонился Чу Юэси, с его лба катились капли пота.

— Князь Си, это моя вина, что я не смог должным образом управлять слугами в доме. Впредь такого больше не повторится, прошу вас, простите меня.

Чу Юэси равнодушно смотрел на глубоко склонившегося перед ним Цинь Юаньхуа, его лицо было холодным, а улыбка постепенно исчезла.

— Если я ещё раз услышу, что кто-то в доме осмеливается говорить подобное, мой брат

наверняка даст старому генералу удовлетворительное объяснение, но тогда это будет уже не просто смерть одного слуги.

Я надеюсь, что старый генерал будет внимательнее присматривать за некоторыми людьми. Если они навлекут на себя беду, то одной твоей головы может не хватить, чтобы расплатиться.

Сказав это, он резко развернулся и вышел. Цинь Юаньхуа дрожал всем телом, медленно опустился на пол, и в этот момент из задней комнаты выбежала госпожа Сун, схватив его за руку.

— Господин, он же открыто убил человека! Неужели ты просто оставишь это?

Цинь Юаньхуа глубоко вздохнул, развернулся и ударил госпожу Сун по лицу, его лицо было мрачным.

— Ты что, не слышала его слов? Или у тебя в голове опилки? Как ты могла говорить такие изменнические слова при слугах? Ты что, жизни не дорожишь? Если впредь ты осмелишься сказать что-то подобное, даже если он захочет убить тебя, я не смогу тебя защитить! Хочешь умереть — иди сама, не тяни за собой меня!

Князь Си не стал углубляться в расследование, это уже была милость с его стороны. Чего ты ещё хочешь? Ты хочешь, чтобы меня отправили на плаху?

Лицо госпожи Сун побелело, и она вдруг разрыдалась, но на этот раз Цинь Юаньхуа, всегда баловавший и защищавший её, не стал её утешать. Он долго сидел на полу, прежде чем медленно поднялся.

— Позже ты отнеси ему счета из внутреннего двора. Впредь тебе запрещено вмешиваться в дела внутреннего двора.

Госпожа Сун вздрогнула, схватила его за рукав, слёзы текли из её глаз.

— Господин, он же мужчина! Я управляла внутренним двором столько лет, как можно отдать это ему? К тому же он питает к нам обиду, если он действительно возьмёт управление в свои руки, кто будет страдать, как не мы?

Цинь Юаньхуа вздохнул, глядя на её плач.

— Если не отдать, это будет нарушением указа. Вчера император ясно дал понять свои намерения, что я могу сделать? Даже если он мужчина, он законный супруг Цинь Чжана. Ты же сейчас всего лишь наложница, перед ним ты всё равно рабыня, неужели ты думаешь, что сможешь управлять им?

Госпожа Сун на мгновение онемела, затем внезапно перестала плакать, её глаза полны негодования.

— А если господин повысит мой статус?

Цинь Юаньхуа с сожалением посмотрел на неё и покачал головой.

— Забудь об этом. Хотя мой законный сын теперь бесполезен, он всё ещё жив. Я не могу повысить твой статус, даже если бы ты стала законной женой, что бы это изменило? Перед князем Си я всё равно раб, ты никогда не сможешь превзойти его.

Сейчас никто не понимает князя Си лучше, чем Цинь Юаньхуа. За ним стоит сам император. Госпожа Сун — выходец из слуг, даже если её статус будет повышен до предела, она никогда не сможешь возвыситься над императорской семьёй. Её мечты о том, чтобы управлять внутренним двором, обойдя Чу Юэси, — не более чем иллюзии.

Сказав это, Цинь Юаньхуа снова вздохнул и, оставив госпожу Сун в отчаянии, одиноко сидящую на полу, ушёл.

Чу Юэси, удовлетворив свою злость, подумал о том, что тот, кто только что поел и снова уснул, наверное, в безопасности под охраной слуг, и потому решил выйти на улицу прогуляться.

Проходя мимо кондитерской, он хотел купить два цзиня пирожных с белым сахаром, чтобы Цинь Чжан мог перекусить, если проголодается, но, к его сожалению, пирожные в этой лавке уже закончились.

Чу Юэси нахмурился, хотел попросить хозяина приготовить ещё, но тот сказал, что кондитер ушёл утром по личным делам и сейчас его не найти.

Видя, что этот господин явно знатного происхождения и уже начинает сердиться, хозяин кондитерской почувствовал себя в затруднительном положении, не зная, что делать.

В этот момент Чу Юэси услышал лёгкий смешок и, обернувшись, увидел женщину в белых одеждах, которая собиралась уходить, держа в руках две упаковки с пирожными.

— Господин, не стоит мучить хозяина. У кондитера дома заболела жена, и даже если вы его найдёте, он не сможет приготовить вам пирожные. Я как раз купила немного, может, поделиться с вами?

Чу Юэси на мгновение замер, увидев, что женщина выглядит как небожительница, её лицо спокойно и мягко, от неё веет лёгким ароматом лекарств, но при этом она кажется очень доброжелательной и тёплой, не вызывая ни малейшего раздражения.

— Прошу прощения за мою настойчивость.

Чу Юэси кивнул, достал упаковку с серебром и протянул её женщине, на его лице наконец появилась лёгкая улыбка.

<http://bllate.org/book/15290/1350924>